

Виртуальные следопыты: как отличить фейковую новость от реальной

Фейковую информацию называют одной из главных общественных проблем последних лет. Блогеров, клюнувших на «желтую» пустышку, высмеивают, а редакторов газет даже штрафуют. Но легко ли проследить, откуда взялась в интернете какая-нибудь скандальная новость, если даже

вполне авторские тексты начинают жить там своей жизнью, превращаясь в настоящий фольклор?

Текст, попавший в социальные сети, – все равно что камешек, закинутый в море. Он может до неузнаваемости обрасти ракушками, а может, наоборот, обточиться на волнах перепостов, растеряв исходные приметы. Атрибутировать такой текст, то есть установить автора, весьма трудно. Допустим, все указывают пальцем на блогера Иванова. Но Иванов же не предъявит листок из блокнота со следами творческих мук, да и книжек со своими озарениями он не издавал... А уж как осложняет дело сама изменчивая природа интернета: сегодня сайт есть, а завтра удален, дата публикации при очередном обновлении не сохранилась... Тем не менее некоторые историки и филологи находят вкус в подобных погонях по виртуальному следу.

«Мы не оставим своих почерков...»

По соцсетям гуляет анонимный пост под заглавием «Никто». Текст длинный – 3,5 тысячи знаков. Первые две трети его описывают ушедшие в прошлое привычки, и каждое предложение начинается с новой строки и со слов «Никто уже не...» («Никто уже не штопает

носки», «Никто уже не ходит в фотоателье» – и так далее). Последняя треть состоит из обычных абзацев, правда тоже начинающихся одинаково, и затрагивает отвлеченные темы: «Мы не оставим своих почерков, затертой, мятой, сложенной бумаги, конвертов с адресами, штемпелями, именами тех, кому и от кого. Мы не оставим фотографий. Они все сгинут в электронной суете. <...>. Мы будем первыми, кто растворится без следа...».

Текст во многом верный. Но странный. Да, есть единство темы (что было раньше и что сейчас), есть единство стиля (намеренно однообразный зачин абзацев, по-научному – «анафора»). Но первая часть – перечисление забавного житейского сора, которое можно без ущерба как удлинить, так и сократить вдвое. Вторая же – полноценная публицистическая миниатюра. А точно ли его «аффар» растворился без следа? А если найдем?

Кто кому «отец» и «мать»

Мы начали с проверки отдельных цитат в обычных поисковиках и в социальных сетях. Оказалось, текст слеппен из двух частей. Первая – бытовая – появилась не позднее 23 декабря 2008 года. Самая ранняя публикация из найденных нами принадлежит пользователю Живого Журнала с ником bambuk11, и там есть приписка: «Нашел в интернете, некоторое спорно». Перечень привычек в посте отличается от современной версии (например, еще нет упоминания штопки носков) – не случайным оказалось наше наблюдение, что набор пунктов можно запросто менять. За 11 лет пост появлялся только в Живом Журнале 335 раз, установить «аффара» так и не удалось.

А вот вторая часть – о поколении, не оставляющем следов, – по иронии судьбы принадлежит человеку, чьей профессией является поиск и сбережение документально зафиксированных следов других людей. Это пост 39-летнего Павла Субботина, начальника управления по делам архивов Белгородской области, размещенный им 27 января 2019 года в сетях Facebook и «ВКонтакте». Павла Юрьевича огорчает, что более популярной стала кем-то сокращенная версия его текста.

– Мне заявляют в комментариях: «Да ладно, сейчас все можно хранить на флешках и в «облаках!» («облачных сервисах» без материального носителя. – «ВМ»), – рассказал Павел Субботин. – А ведь в исходной версии были слова: «Вся наша жизнь хранится в электронном виде. В компьютерах, которые стареют и горят, на дисках, флешках, серверах каких-то соцсетей, которые пропали если – что тогда?». Кто-то посчитал, что этот абзац не нужен. А мысль потерялась.

Кто и когда объединил его искалеченный пост со старым ЖЖ-ным «баяном», Павел Юрьевич не знает.

– Наши тексты не имеют ничего общего – ни в словесном, ни в ритмическом отношении, – считает Павел Юрьевич. – Такого неуважения не заслужил ни я, ни автор первой части.

История с непрошеной славой вдохновила Павла Субботина на пост, размещенный 14 июня 2019 года. «Признайтесь, вы уже заметили – хороших книг в просторе интернета стало не найти, – пишет Павел Юрьевич. – <...> что-то уникальное и новое здесь появляется не сразу, а только если поначалу на бумаге и уже потом, когда создатель защищен – идет черед для интернета, цифры. И то, как правило, в формате PDF <...>Все потому, что интернету глубоко без разницы, кто кого родил. Он походя присваивает себе не своих детей. Бумага же всех помнит – кто кому отец и мать.

Пока есть плагиат и воровство контента, пренебрежение к труду других людей, их авторству – бумага будет жить».

Сайты скрывают свое прошлое

Казалось бы, кого должны волновать эти незаштопанные носки, вычеркнутые абзацы и сетевые обиды? Но ведь на месте эссе об изменившихся стандартах поведения мог быть любой другой текст. Например, компрометирующий кого-нибудь... А отыскать концы было бы непросто даже профессиональному редактору.

Раскапывать в интернете историю публикаций того или иного

текста с годами все труднее. Например, у самого популярного отечественного поисковика недавно была скрыта опция поиска по определенным сайтам (это избавляло от пролистывания множества страниц и барахтанья в сотнях ненужных ссылок). Усложнилась и навигация в социальных сетях. Доктор филологических наук, профессор РГГУ Максим Кронгауз только вздыхает, вспоминая работу над книгой о языке интернета «Самоучитель олбанского» (2013). Тогда еще был сервис «Пульс блогосферы»: он выстраивал график употребления слова за последние годы, с частотностью, с количеством упоминаний. А в июне 2016 года, когда коллектив авторов под руководством Кронгауза сдавал в печать «Словарь языка интернета.ru», в их распоряжении оставался лишь «Поиск по блогам». И там удавалось находить только употребление слова за последний месяц.

– А нам хотелось бы фиксировать время возникновения мемов как можно точнее: узнавать хотя бы год, а если можно, то и месяц, – объясняет Максим Кронгауз. – Например, слово «котэ» (кот. – «ВМ») появилось в какой-то момент на сайте «Упячка», открытом весной 2007 года, но было ли это первое упоминание или ему что-то предшествовало – оказалось трудно выяснить. К сожалению, инструментов становится все меньше, и происходит это из-за коммерциализации как поисковиков, так и социальных сетей.

«Офисный планктон» зацепили сетью

Выяснить историю и авторство некоторых сетевых текстов под силу только ученому с мощной привычкой к библиотечной работе. Например, такому, как московский кандидат исторических наук Константин Душенко, автор множества статей и справочников по истории крылатых выражений. В поисках истоков той или иной цитаты Константин Васильевич готов перелопачивать курганы документов: достаточно сказать, что он просмотрел всю газету «Правда» с 1905 по 1970-е годы. К расследованиям в интернете Душенко подошел с не меньшей методичностью.

– Я поначалу был уверен, что «офисный планктон» – калька с

анонимного английского оборота, – говорит Константин Душенко. – Оказалось, что на английском «офисный планктон» встречается только как перевод с русского, и почти исключительно в текстах русскоязычных авторов.

Ключик обнаружился в рязанском сетевом журнале «Поколение Р»: в номере от 11 июля 2006 года пользователь StarПерец предположил, что источником мог быть очерк Евгении Ананьевой «Офисный планктон». Очерк был напечатан в русскоязычном сетевом журнале Russian Women Magazine в августе 2003 года, и как раз вскоре после этого выражение стало тиражироваться в интернете. Героиня Ананьевой – мелкая офисная сотрудница, страдающая от ощущения собственной незащитности.

– Ключевая фраза очерка: «В корпоративной пищевой цепи мы представляем собой лишь планктон!» – цитирует Константин Душенко. – Там же говорится, что героине «не хотелось быть съеденной акулами большого бизнеса». То есть выражение «офисный планктон» используется не как готовое и общеизвестное, а вырастает из образной системы текста.

На всякий случай Константин Васильевич обратился в редакцию журнала. Письмо передали автору – эмигрантке 1975 года рождения, живущей в Лос-Анджелесе. 22 февраля 2010 г. Константин Васильевич получил от Евгении ответ: «...На копирайт не претендую, но в контексте любительской прозы я (впервые. – «ВМ») использовала этот термин».

Цифровые забавы будут романтичны

Исследователи, поднаторевшие в традиционных поисках, не разделяют страха перед эпохой, где все «растворяется без следа». Историк литературы и библиограф Александр Соболев, плодотворно и вдохновенно изучающий архивы писателей Серебряного века, не согласен даже с самим этим определением нашей эпохи: по его мнению, любому современному человеку суждено оставить намного больше следов, чем Блоку или Ахматовой.

– Мы пишем и получаем в день десятки, а то и сотни сообщений, в почте или мессенджерах, и большинство их остается в электронной памяти, – указывает Александр Соболев. – Мы оставляем следы, переругиваясь в социальных сетях, расплачиваясь кредитной картой или проходя сквозь турникет метро. Удивительные открытия сулит будущему текстологу жесткий диск писательского компьютера, поскольку из него могут быть не только извлечены удаленные файлы с черновиками, но и реконструированы промежуточные инкарнации текстов. К этому добавляется гомерических размеров архив записей с камер наблюдения, благодаря которому биографию отдельных сочинителей можно будет проследить не только изо дня в день, но и час за часом. Информацию куда труднее уничтожить, чем сохранить, так что на будущего коллегу я смотрю со смесью зависти и восхищения: по сравнению с нашими архивными буднями его цифровые забавы выглядят отсюда куда как более занятно.

ПОЛЕЗНО

Некоторые тексты из интернета могут оказаться перепечатками из бумажных изданий. Но обнаружить это через обычные поисковики не удастся: нужно проверять в специальных базах.

– **Google Книги (books.google.ru)** – сервис поиска по огромной базе отсканированных книг, журналов и газет. Обычно на экране демонстрируется только фрагмент страницы, на которой найдены запрошенные слова, объемом в 3–7 строк. Но с этой информацией уже можно идти в библиотеку или проверять – вдруг оцифрованное издание есть на другом сайте.

– **Национальный корпус русского языка (http://www.ruscorpora.ru/)** – база, в которую входят не только оцифрованные тексты из книг, журналов и газет, но и записи устной речи, и фрагменты из фильмов.

– **East View Information Services** – база, содержащая оцифрованные архивы четырех крупнейших российских газет, пяти журналов, а также множества региональных изданий. Достаточно

записаться в Государственную публичную историческую библиотеку, а затем можно заходить в эту базу с любого компьютера по читательскому билету (его номер служит паролем). В базе есть функция поиска по тексту.

КОММЕНТАРИИ

Андрей Геласимов, писатель, кандидат филологических наук:

– Не могу сказать, можно ли в наше время украсть чужой текст. Сейчас все это легко идентифицируется: достаточно вбить цитату в поисковик. За соблюдением авторских прав в большинстве случаев следят издатели и агенты. Сегодня внимание отвлекается даже от крупных авторов: слишком много вокруг посторонних шумов. Но это неизбежно в связи с развитием технологий. С другой стороны, сеть дает голос всем, вот в чем штука. В свое время я сам бы мог быть не услышан, если бы не опубликовал в интернете свои первые рассказы.

Вася Ложкин, художник и блогер:

– Целенаправленно создать популярный мем невозможно. Среди моих работ однажды «выстрелила» картинка под названием «Родина слышит»: два спецагента с серьезным видом в наушниках слушают записи с магнитофона. Нарисовал я ее за полчаса на маленьком кусочке холста, не выходя из мастерской. Когда художник начинает думать над тем, чтобы его картина обязательно всем понравилась, то срабатывает совершенно обратный механизм. Все мемы рождаются сами по себе при некой случайности, которая впоследствии оказывается не случайной.

Михаил Бударагин, Мария Раевская

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**